

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сказка Г.Х. Андерсена " Подснежник "

На одной улице стоял старый–старый дом, выстроенный еще около трехсот лет тому назад, – год его постройки был вырезан на одном из оконных карнизов, по которым вилась затейливая резьба: тюльпаны и побеги хмеля; тут же было вырезано старинными буквами и с соблюдением старинной орфографии целое стихотворение. На других карнизах красовались уморительные рожи, корчившие гримасы. Верхний этаж дома образовывал над нижним большой выступ; под самой крышей шел водосточный желоб оканчивавшийся головой дракона. Дождевая вода должна была вытекать у дракона из пасти, но текла из живота – желоб был дырявый.

Все остальные дома на улице были такие новенькие, чистенькие, с большими окнами и прямыми, ровными стенами; по всему видно было, что они не желали иметь со старым домом ничего общего и даже думали: "Долго ли он будет торчать тут на позор всей улице? Из-за этого выступа нам не видно, что делается по ту сторону дома! А лестница–то, лестница–то! Широкая, будто во дворце, и высокая, словно ведет на колокольню! Железные перила напоминают вход в могильный склеп, а на дверях блестят большие медные бляхи! Просто неприлично!"

Против старого дома, на другой стороне улицы, стояли такие же новенькие, чистенькие домики и думали то же, что их собратья; но в одном из них сидел у окна маленький краснощекий мальчик с ясными, сияющими глазами; ему старый дом и при солнечном и при лунном свете нравился куда больше всех остальных домов. Глядя на стену старого дома с потрескавшейся и местами пообвалившейся штукатуркой, он рисовал себе самые причудливые картины прошлого, воображал всю улицу застроенной такими же домами, с широкими лестницами, выступами и остроконечными крышами, видел перед собою солдат с алебардами и водосточные желобы в виде драконов и змиев… Да, можно таки было заглядеться на старый дом! Жил в нем один старичок, носивший короткие панталоны до колен, кафтан с большими металлическими пуговицами и парик, про который сразу можно было сказать: вот это настоящий парик! По утрам к старику приходил старый слуга, который прибирал все в доме и исполнял поручения старичка хозяина; остальное время дня старик оставался в доме один–одинешенек. Иногда он подходил к окну взглянуть на улицу и на соседние дома; мальчик, сидевший у окна, кивал старику головой и получал в ответ такой же дружеский кивок. Так они познакомились и подружились, хоть и ни разу не говорили друг с другом, – это ничуть им не помешало!

Раз мальчик услышал, как родители его говорили:

– Старику живется вообще не дурно, но он так одинок, бедный!

В следующее же воскресенье мальчик завернул что–то в бумажку, вышел за ворота и остановил проходившего мимо слугу старика.

– Послушай! Снеси–ка это от меня старому господину! У меня два оловянных солдатика, так вот ему один! Пусть он останется у него, ведь старый господин так одинок, бедный!

Слуга, видимо, обрадовался, кивнул головой и отнес солдатика в старый дом. Потом тот же слуга явился к мальчику спросить, не пожелает ли он сам навестить старого господина. Родители позволили, и мальчик отправился в гости.

Медные бляхи на перилах лестницы блестели ярче обыкновенного, точно их вычистили в ожидании гостя, а резные трубачи – на дверях были ведь вырезаны трубачи, выглядывавшие из тюльпанов, – казалось, трубили изо всех сил, и щеки их раздувались сильнее, чем всегда. Они трубили: "Тра–та–та – та! Мальчик идет! Тра–та–та–та!" Двери отворились, и мальчик вошел в коридор. Все стены были увешаны старыми портретами рыцарей в латах и дам в шелковых платьях; рыцарские доспехи бряцали, а платье шуршало… Потом мальчик прошел на лестницу, которая сначала шла высоко вверх, а потом опять вниз, и очутился на довольно–таки ветхой террасе с большими дырами и широкими щелями в полу, из которых выглядывали зеленые трава и листья. Вся терраса, весь двор и даже вся стена дома были увиты зеленью, так что терраса выглядела настоящим садом, а на самом–то деле это была терраса! Тут стояли старинные цветочные горшки в виде голов с ослиными ушами; цветы росли в них как хотели. В одном горшке так и лезла через край гвоздика: зеленые ростки ее разбегались во все стороны, и гвоздика как будто говорила: "Ветерок ласкает меня, солнышко целует и обещает подарить мне в воскресенье еще один цветочек! Еще один цветочек в воскресенье!"

С террасы мальчика провели в комнату, обитую свиною кожей с золотым тиснением.

Да, позолота–то сотрется,

Свиная ж кожа остается! – говорили стены.

В той же комнате стояли разукрашенные резбою кресла с высокими спинками.

– Садись! Садись! – приглашали они, а потом жалобно скрипели. – Ох, какая ломота в костях! И мы схватили ревматизм, как старый шкаф. Ревматизм в спине! Ох!

Затем мальчик вошел в комнату с большим выступом на улице. Тут сидел сам старичок хозяин.

– Спасибо за оловянного солдатика, дружок! – сказал он мальчику. – И спасибо, что сам зашел ко мне!

"Так, так" или, скорее, "кхак, кхак!" – закряختела и заскрипела мебель. Стульев, столов и кресел было так много, что они мешали друг другу смотреть на мальчика.

На стене висел портрет прелестной молодой дамы с живым, веселым лицом, но причесанной и одетой по старинной моде: волосы ее были напудрены, а платье стояло колом. Она не сказала ни "так", ни "кхак", но ласково смотрела на мальчика, и он сейчас же спросил старика:

– Где вы ее достали?

– В лавке старьевщика! – отвечал тот. – Там много таких портретов, но никому до них нет дела: никто не знает, с кого они писаны, – все эти лица давным–давно умерли и похоронены. Вот и этой дамы нет на свете лет пятьдесят, но я знал ее в старину.

Под картиной висел за стеклом букетик засушенных цветов; им, верно, тоже было лет под пятьдесят, – такие они были старые! Маятник больших старинных часов качался взад и вперед, стрелка двигалась, и все в комнате старело с каждою минутой, само того не замечая.

– У нас дома говорят, что ты ужасно одинок! – сказал мальчик.

– О! Меня постоянно навещают воспоминания знакомых лиц и образов!.. А теперь вот и ты навестил меня! Нет, мне хорошо!

И старичок снял с полки книгу с картинками. Тут были целые процессии, диковинные кареты, которых теперь уж не увидишь, солдаты, похожие на трюфовых валетов, городские ремесленники с развевающимися знаменами. У портных на знаменах красовались ножницы, поддерживаемые двумя львами, у сапожников же не сапоги, а орел о двух головах – сапожники ведь делают еще парные вещи. Да, вот так картинки были!

Старичок хозяин пошел в другую комнату за вареньем, яблоками и орехами. Нет, в старом доме, право, было прелесть как хорошо!

– А мне просто невмочь оставаться здесь! – сказал оловянный солдатик, стоявший на сундуке. – Тут так пусто и печально. Нет, кто привык к семейной жизни, тому здесь не житье. Сил моих больше нет! День тянется здесь без конца, а вечер и того дольше! Тут не услышишь ни приятных бесед, какие вели, бывало, между собою твои родители, ни веселой возни ребятишек, как у нас! Старый хозяин так одинок! Ты думаешь, его кто–нибудь целует? Глядит на него кто–нибудь ласково? Бывает у него елка? Получает он подарки? Ничего! Вот разве гроб он получит!.. Нет, право, я не выдержу такого жития!

– Ну, ну полно! – сказал мальчик. – По–моему, здесь чудесно; сюда ведь заглядывают воспоминания и приводят с собою столько знакомых лиц!

– Что–то не видал их, да они мне и не знакомы! – отвечал оловянный солдатик. – Нет, мне просто не под силу оставаться здесь!

– А надо! – сказал мальчик.

В эту минуту в комнату вошел с веселою улыбкой на лице старичок, и чего–чего он только не принес! И варенья, и яблок, и орехов! Мальчик перестал думать об оловянном солдатике.

Веселый и довольный вернулся он домой. Дни шли за днями; мальчик по–прежнему посылал в старый дом поклоны, а оттуда тоже поклоны в ответ, и вот мальчик опять отправился туда в гости.

Резные трубачи опять затрубили: "Тра–та–та–та! Мальчик пришел! Тра–та–та–та!" Рыцари и дамы на портретах бряцали доспехами и шуршали шелковыми платьями, свиная кожа говорила, а старые кресла скрипели и кряхтели от ревматизма в спине: "Ох!" Словом, все было как и в первый раз, – в старом доме часы и дни шли один, как другой, без всякой перемены.

– Нет, я не выдержу! – сказал оловянный солдатик. – Я уже плакал оловом! Тут слишком печально! Пусть лучше пошлют меня на войну, отрубят там руку или ногу! Все–таки хоть перемена будет! Сил моих больше нет!..

Теперь и я знаю, что это за воспоминания, которые приводят с собою знакомых лиц! Меня они тоже посетили, и, поверь, им не обрадуюсья! Особенно, если они станут посещать тебя часто. Под конец я готов был прыгнуть с сундука!.. Я видел тебя и всех твоих!.. Вы все стояли передо мною, как живые!.. Это было утром в воскресенье… Все вы, ребятишки, стояли в столовой, такие серьезные, набожно сложив руки, и пели утренний псалом… Папа и мама стояли тут же. Вдруг дверь открылась, и вошла не званная двухгодовалая сестренка ваша Мари. А ей стоит только услышать музыку или пение – все равно какое, – сейчас начинает плясать. Вот она и принялась приплясывать, но никак не могла попасть в такт – вы пели так протяжно… Она поднимала то одну ножку, то другую и вытягивала шейку, но дело не ладилось. Никто из вас даже не улыбнулся, хоть и трудно было удержаться. Я таки и не удержался, засмеялся про себя, да и слетел со стола! На лбу у меня вскочила большая шишка – она и теперь еще не прошла, и поделом мне было!.. Много и еще чего вспоминается мне… Все, что я видел, слышал и пережил в вашей семье, так и всплывает у меня перед глазами! Вот каковы они, эти воспоминания, и вот что они приводят с собой!.. Скажи, вы и теперь еще поете по утрам? Расскажи мне что–нибудь про малютку Мари! А товарищ мой, оловянный солдатик, как поживает? Вот счастливец!.. Нет, нет, я просто не выдержу!..

– Ты подарен! – сказал мальчик. – И должен остаться тут! Разве ты не понимаешь этого?

Старичок хозяин явился с ящиком, в котором было много разных диковинок: какие–то шкатулочки, флакончики и колоды старинных карт – таких больших, расписанных золотом, теперь уж не увидишь! Старичок отпер для гостя и большие ящики старинного бюро и даже клавиорды, на крышке которых был нарисован ландшафт. Инструмент издавал под рукой хозяина тихие дребезжащие звуки, а сам старичок напевал при этом какую–то заунывную песенку.

– Эту песню пелава когда–то она! – сказал он, кивая на портрет, купленный у старьевщика, и глаза его заблестели.

– Я хочу на войну! Хочу не войну! – завопил вдруг оловянный солдатик и бросился с сундука.

Куда же он девался? Искал его и сам старичок хозяин, искал и мальчик – нет нигде, да и только.

– Ну, я найду его после! – сказал старичок, но так и не нашел. Пол весь был в щелях, солдатик упал в одну из них и лежал там, как в открытой могиле.

Вечером мальчик вернулся домой. Время шло; наступила зима; окна замерзли, и мальчику приходилось дышать на них, чтобы оттаяло хоть маленькое отверстие, в которое можно было взглянуть на улицу. Снег запорошил все завитушки и надписи на карнизах старого дома и завалил лестницу, – дом стоял словно нежилой. Да так оно и было: старичок, хозяин его, умер.

Вечером к старому дому подъехала колесница, на нее поставили гроб и повезли старичка за город, в фамильный склеп. Никто не шел за гробом – все друзья старика давным–давно умерли. Мальчик послал вслед гробу воздушный поцелуй.

Несколько дней спустя в старом доме назначен был аукцион. Мальчик видел из окошка, как уносили старинные портреты рыцарей и дам, цветочные горшки с длинными ушами, старые стулья и шкафы. Одно пошло сюда, другое туда; портрет дамы, купленный в лавке старьевщика, вернулся туда же, да так там и остался: никто ведь не знал этой дамы, никому и не нужен был ее портрет.

Весною стали ломать старый дом – этот жалкий сарай уже мозолил всем глаза, и с улицы можно было заглянуть в самые комнаты с обоями из свиной кожи, висевшими клочьями; зелень на террасе разрослась еще пышнее и густо обвивала упавшие балки. Наконец место очистили совсем.

– Вот и отлично! – сказали соседние дома.

Вместо старого дома на улице появился новый, с большими окнами и белыми ровными стенами. Перед ним, то есть, собственно, на том самом месте, где стоял прежде старый дом, разбили садик, и виноградные лозы потянулись оттуда к стене соседнего дома. Садик был обнесен высокой железной решеткой, и вела в него железная калитка. Все это выглядело так нарядно, что прохожие останавливались и глядели сквозь решетку.

Виноградные лозы были усеяны десятками воробьев, которые чирикали наперебой, но не о старом доме, – они ведь не могли его помнить; с тех пор прошло столько лет, что мальчик успел стать мужчиною. Из него вышел дельный человек на радость своим родителям. Он только что женился и переехал со своею молодой женой как раз в этот новый дом с садом.

Оба они были в саду; муж смотрел, как жена сажала на клумбу какой–то приглянувшийся ей полевой цветок. Вдруг молодая женщина вскрикнула:

– Ай! Что это?

Она укололась – из мягкой, рыхлой земли торчало что–то острое. Это был – да, подумайте! – оловянный солдатик, тот самый, что пропал у старика, валялся в мусоре и наконец много–много лет пролежал в земле. Молодая женщина обтерла солдатика сначала зеленым листком, а затем своим тонким носовым платком. Как чудесно пахло от него духами! Оловянный солдатик словно очнулся от обморока.

– Дай–ка мне посмотришь! – сказал молодой человек, засмеялся и покачал головой. – Ну, это, конечно, не тот самый, но он напоминает мне одну историю из моего детства!

И он рассказал своей жене о старом доме, о хозяине его и об оловянном солдатике, которого послал бедному одинокому старичку. Словом, он рассказал все, как было в действительности, и молодая женщина даже прослезилась, слушая его.

– А может быть, это и тот самый оловянный солдатик! – сказала она. – Я спрячу его на память. Но ты непременно покажи мне могилу старика!

– Я и сам не знаю, где она! – отвечал он. – Да и никто не знает! Все его друзья умерли раньше него, никому не было и дела до его могилы, я же в те времена был еще совсем маленьким мальчуганом.

– Как ужасно быть таким одиноким! – сказала она.

– Ужасно быть одиноким! – сказал оловянный солдатик. – Но какое счастье сознавать, что тебя не забыли!

– Счастье! – повторил чей–то голос совсем рядом, но никто не расслышал его, кроме оловянного солдатика.

Оказалось, что это говорил лоскуток свиной кожи, которую когда–то были обиты комнаты старого дома. Позолота с него вся сошла, и он был похож скорее на грязный комок земли, но у него был свой взгляд на вещи, и он высказал его:

Да, позолота–то сотрется,
Свиная ж кожа остается!

Оловянный солдатик, однако, с этим не согласился.

Другие сказки Андерсена